

Девять дней в сорок первом

В нашей стране широко известен подвиг защитников Брестской крепости, несколько недель сражавшихся в окружении врага. Но успешно сдерживали немецко-фашистских захватчиков в первые дни войны и на других участках советско-германского фронта. Так, неувядающей славой покрыли себя защитники в ту пору советского Перемышля (ныне Пшемысль, Польша). В Минске живет активный участник этих боев полковник-инженер в отставке Алексей Игнатьевич Буфетов. 93-летний ветеран отлично помнит мельчайшие детали тех сражений.

В 1939 году половина Перемышля отошла СССР, а западная часть – Германии. Город был разделен рекой Сан на две части. Восточная, советская – называлась Перемышль, а западная, немецкая – Прёмзель.

В июне 1941-го Перемышль оказался на острие атак вермахта. Название этого города стало широко известно в Советском Союзе и не только.

В плане «Барбаросса» имелись специальные директивы о Перемышле: «Железнодорожный мост в Перемышле непременно должен быть захвачен в неповрежденном виде. Для этого будет подан бронепоезд. Операцию поддержит 1-й батальон диверсионного полка «Бранденбург-800». Часть этого батальона будет переодета в красноармейскую форму. Для совместных

действий с ними выделяется еще один батальон из украинских националистов». Речь шла о «специальном подразделении «Нахтигаль», созданном абвером из членов бандеровского откола от Организации украинских националистов (ОУН). В «Нахтигале» в то время подвизался будущий главнокомандующий УПА гауптман Роман Шухевич.

Операцию по захвату Перемышля должны были осуществлять 101-я легкая пехотная дивизия и часть 257-й Берлинской дивизии вермахта. Немецкая пехотная дивизия по численности почти в полтора раза превосходила советскую.

Со стороны РККА границу у Перемышля защищали заставы 92-го погранотряда, отряды НКВД, охранявшие особо важные объекты, 99-я стрелковая дивизия, артиллерийские части (233-й, 236-й полки и 28-й зенитный дивизион) 8-го стрелкового корпуса 26-й армии.

По принятому весной 1941 года плану прикрытия границы в случае войны Перемышльский укрепленный район должен был взаимодействовать с 99-й стрелковой дивизией – основной силой войск прикрытия границы в этом месте. В городе размещались штабы 92-го погранотряда и 1-го батальона полка войск НКВД, управление 4-й погранкомендатуры, части 99-й стрелковой дивизии и артиллерийские части 8-го стрелкового корпуса.

Сегодня мало известно об истории этого приграничного сражения. Но героические подвиги защитников Перемышля сохранились в памяти очевидцев. Слава героев, по стечению обстоятельств, не стала все-

▼ Восточная часть
города Перемышля.
1940 год

народной. Но о героях хорошо помнят те, кто сражался с ними плечом к плечу.

Участника обороны Перемышля 1941 года А.И. Буфетова фронтовые дороги провели от берегов реки Сан через бои в окружении под Винницей к стенам Сталинграда. Потом была Прохоровка на Курской дуге, сражения за Белгород, Харьков, освобождение Украины. Алексей Игнатьевич участвовал в Корсунь-Шевченковской операции, воевал за Молдавию, Румынию, прошел бои за Будапешт, внес свою лепту в разгром группировки Шернера в Чехословакии, освобождал Брно и Прагу. И, наконец, была в его военной биографии победа над Квантунской армией в Маньчжурии. После войны А.И. Буфетов окончил Харьковскую артиллерийскую академию, служил в западной Украине, работал в научно-исследовательских институтах Министерства обороны. В 1968 году Буфетов уволился в запас. Как записано в документах, Алексей Игнатьевич внес существенный вклад в создание радиолокационного поля для истребительной авиации и зенитно-ракетных войск. А была еще долгая и плодотворная работа на гражданке... Но тогда, в июне 1941-го, лейтенанту Алексею было всего 19 лет. Он окончил Горьковское училище зенитной артиллерии (ускоренный выпуск) и осенью 1940 года прибыл к месту службы в войска прикрытия границы в 28-й зенитно-артиллерийский дивизион командиром взвода. Рано утром 22 июня 1941 для него, как для миллионов советских людей, началась Война...

А.И. Буфетов:

«Перед самой войной в районе Перемышля было беспокойно: участились полеты немецких самолетов-разведчиков, переброски через реку Сан лазутчиков – ОУНовцев. В конце осени 1940 года был такой случай. На складе железнодорожной станции города от неосторожного выстрела нашего часового взорвались боеприпасы. Гитлеровцы, по-видимому, посчитали, что русские решили предупредить их в нанесении удара. В Засанье поднялась тревога, немецкие солдаты начали спешно занимать свои позиции, выкатывать орудия, загрохотали гусеницы танков, десятки прожекторов нервно обшаривали небо. Нам стало ясно, что немецких войск тут гораздо больше, чем необходимо для охраны границы с государством, с которым заключен договор о ненападении...»

◀ Лейтенант Алексей Буфетов.
Ноябрь 1940 года

Слово «война» нам запрещалось даже произносить. Но в мирное время неоднократно производились учения по отработке взаимодействия погранотряда и дивизии на случай нападения противника. По обстановке на границе все понимали, что приближается война с Германией, но когда это случится, никто не знал.

21 июня 1941 года после полуночи, строго по расписанию, с советской стороны через Перемышль проследовал через границу товарный эшелон. Но встречный немецкий товарный поезд почему-то не пришел. Дежурный по станции запросил по телефону немецкую станцию о причине запаздывания. Ему дали ответ, смысл которого стал нам ясен только позднее: «Ждите, утром будет!»

В Перемышле меня поселили в общежитии. В квартире, состоящей из двух комнат, мы жили вчетвером: в дальней комнате – старшина с молодой женой Людмилой, а в проходной – два холостяка: мой лучший друг лейтенант Моргун (он командовал взводом во второй батарее) и я.

Поздно вечером 21 июня я вернулся со службы. Моргун меня ждал. Окно в нашей комнате было открыто. Оно выходило на реку. Мы обратили внимание, что на другом берегу – полное затемнение города, нет ни огонька, и было как-то необычно тихо. Стояла чудная теплая тихая летняя ночь. Спать

▲ Атака вермахта. Немецкое орудие на набережной р. Сан 22 июня 1941 года

нам совсем не хотелось. Друг взял гитару, мы сели у открытого окна и стали петь. Последняя наша песня была «Коробейники». К двум часам мы все-таки решили отдохнуть...

22 ИЮНЯ

В 3.30 немецкие орудия открыли огонь по советской части города. Началась германская артподготовка. Загорелись склады, госпиталь, здание железнодорожного вокзала, жилые дома... Гитлеровцы начали бомбить селения, в которых располагались подразделения 99-й стрелковой дивизии и 8-го стрелкового корпуса.

А.И. Буфетов:

«Утром около 4 часов нас разбудили разрывы тяжелых снарядов и мин. Мы сразу

▼ Немецкие солдаты в очередной раз пытаются захватить в Перемышле мост через Сан. Первые убитые 101-й легкопехотной дивизии вермахта

поняли, что началась немецкая артподготовка. У меня вырвалось: «Вставай, дорогой мой друг! Это – война!» Мы с Моргуном вскочили, быстро оделись и направились к выходу. В этот момент открылась дверь дальней комнаты, из нее вышла Людмила и спросила: «Товарищ Буфетов! А что мне теперь делать?!» «С семьями каких командиров нашей части вы уже успели познакомиться?» – спросил я. Она назвала фамилию заместителя командира части по снабжению. Я подумал, что обязательно подадут автомашину, чтобы вывезти семью комсостава из-под вражеского артогня. «Возьмите с собой самое необходимое, документы и идите в эту семью», – посоветовал я Людмиле. Потом стало известно, что автомашины с семьями комсостава подверглись сильному немецкому обстрелу. Осталась ли Людмила жива, не знаю...

Мы с другом побежали по улице к расположению своих батарей. Когда пробегали площадь «Плაც на Бrame» (ее еще называют «Пять Углов»), мы увидели, что горят дома штабов 8-го стрелкового корпуса и 99-й стрелковой дивизии. Солнце только начало подниматься. От домов тянулись длинные тени. Мы бежали по ярко освещенному утренним солнцем центру улицы. Земля дрожала от разрывов. Один снаряд разорвался совсем близко перед нами, потом другой – сзади. Мы поняли, это «вилка». Сейчас третий снаряд накроет нас... Неужели немцы бьют по отдельным людям из тяжелых орудий?! Я посмотрел вверх и увидел в небе вражеские самолеты Физлер «Шторьх» – корректировщики артиллерийского огня. И мы бросились в тень домов, чтобы они нас не видели.

Так, по теневой стороне улицы, мы добежали до входа в военный городок. Мой друг побежал дальше: его батарея находилась на боевой позиции на юго-восточных окраинах Перемышля. Больше его я никогда не видел... Военная техника и орудия батареи, в которой служил я, находилась в военном городке. Я свернул к его северным воротам. И там впервые увидел наших убитых бойцов... В эти минуты войны был убит осколком снаряда Иван Мороз – командир второго взвода нашей батареи. Я принял на себя руководство и его взводом.

Теперь нам, бойцам батареи и мне, предстояло вывести из парка орудия и вывезти военное имущество (боеприпасы, дальноте-

ры и т.д.) на огневую позицию. Путь через северные ворота был закрыт: они интенсивно обстреливались. Увлекая за собой бойцов и сержантов, я добежал до наших арт- и автопарков через запасной выход из военного городка.

В огненном аду германского артобстрела бойцы нашей батареи начали эвакуировать из парков орудия и боевую технику. Заправленные бензином автомашины вспыхивали словно факелы. Их необходимо было срочно спасать. Я учел направление ветра, места расположения цистерн с горючим и не без риска ответить потом за нанесенный ущерб приказал бойцам поджечь бак с бензином. Ветер черным густым дымом закрыл нас от «Шторьхов», и фашисты уже не могли бить по нам прицельно. Около шести часов утра мы отправили первую группу тракторов с орудиями и автомашин с боевой техникой на позицию. Но была еще одна беда: каждую выезжающую из городка группу машин с крыш домов обстреливали засланные немцами ОУНовцы».

После артподготовки началось немецкое наступление. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня на захват моста фашисты бросили более двух рот. Первыми приняли удар фашистов пограничники, и прежде всего 92-й погранотряд. Позже к ним присоединилась группа бойцов 1-й роты полка НКВД под командованием младшего лейтенанта Я. Бережного. Чекистам удалось отбить восемь атак. Неравный бой длился около десяти часов. Тогда немцы переправили основные силы через реку на резиновых лодках ниже по течению. Подразделение в составе пяти пограничников под командованием помощника начальника заставы младшего лейтенанта П.С. Нечаева при поддержке бойцов железнодорожных войск НКВД не давало немцам захватить стратегически важный мост. Из группы во главе с лейтенантом П.С. Нечаевым в живых остался только командир. Когда гитлеровцы, окружив его со всех сторон, попытались захватить в плен, Нечаев подорвал себя и пятерых немцев гранатой. Подвиг Нечаева хорошо помнят все оставшиеся в живых защитники Перемышля.

А.И. Буфетов:

«Примерно в 9 часов батареями нашего 28-го зенитного дивизиона был открыт огонь по самолетам – корректировщикам огня, и почти сразу мы все увидели падение

первого горящего «Шторьха». Остальные корректировщики после этого ушли за Сан».

Когда пришла команда на открытие артиллерийского огня, мосты, наводимые немцами через реку, взлетели в воздух. Около 9 утра было получено разрешение от командования вести огонь по немецкому Засанью.

А.И. Буфетов:

«К полудню нами было спасено от артиллерийского огня врага 70–75 % техники и орудий.

Боеприпасы и военное имущество вывозилось на автомобилях, а пушки (76-миллиметровые зенитки, их называли «канат-орудие» за очень большой вес и громоздкость, а при приведении пушки в походное положение звучала команда «Канат, орудие!») – с помощью тракторов «Коммунар». Эти трактора считались в то время быстроходными, но были капризными. Я оставался в артпарке до вывода всей техники батареи. И вот, когда мы стали заводить трактор, чтобы утащить последнюю, четвертую, пушку, трактор «зартачился». Никак не хотел заводиться, что мы ни делали. Время шло. Мы уже совсем близко слышали стрекот автоматов наступающей немецкой пехоты. Еще чуть-чуть, и мы бы попали в плен. Но тут судьба нас спасла: трактор завелся, и мы выехали из военного городка на позицию. Это было около трех часов дня».

За вечер 22 июня и последующие дни в Перемышле рождается еще невиданное в

▼ Наша зенитка на боевой позиции

ту войну народное ополчение. Этот отряд в количестве 190 человек под командованием первого секретаря горкома П.В. Орленко пришел на помощь пограничникам и подразделениям полка НКВД, с ходу вступив в бой.

Пограничники держались до тех пор, пока не получили приказ на отход из города. Атаки немцев шли одна за другой, в том числе и при поддержке танков. К полудню фашисты заняли почти весь центр города. Но им удалось продвинуться только на 1,5–2 км от реки. Бои на окраинах города продолжались. Вместе с пограничниками отошли бойцы ополченного отряда. Героические действия защитников дали необходимые для организации обороны часы для подхода частей 99-й стрелковой дивизии. Командовал ей полковник Николай Деметьев, а до него, в 1940-м – комбриг Андрей Власов, тот самый. Впрочем, дивизия сражалась отнюдь не «по-власовски», а «по-ворошиловски». Но 22 июня в 17.00 наши части, кроме гарнизонов дотов Перемышльского укрепрайона, оставили город.

Героически держался в этот день гарнизон дота под командованием младшего лейтенанта Чаплина. Дот был расположен очень удобно и имел широкий сектор обстрела. В донесении о его сопротивлении сказано коротко: «Дот подвергся интенсивному обстрелу вражеской артиллерии. По нему было выпущено свыше 500 снарядов, он имел несколько прямых попаданий, но, несмотря на это, продолжал отвечать огнем». Советские воины оказывали со-

противление врагу и когда наши войска оставили город. Один из выживших бойцов гарнизона Н. Водопьянов вспоминал: «Во второй половине дня немцы силою примерно до роты стали окружать дот, подходя к нему уже с восточной стороны. Мы поняли, что наши части оставили Перемышль, и решили стоять здесь до последнего. Вели по врагу почти непрерывный огонь. Хотя они нам и кричали: «Рус, сдавайся!», но им все же пришлось отступить, потому что потери у них были немалые. Так мы вели бой весь день и всю ночь на 23 июня».

Бывший фельдфебель 101-й пехотной дивизии вермахта, штурмовавшей Перемышль, позже вспоминал:

«...Огонь был ужасен! Мы оставили на мосту много трупов, но так и не овладели им сразу... Потери были страшными... Мы не могли продвигаться дальше так быстро, как того хотелось нашему командованию. У советских пограничников по линии берега были огневые точки. Они засели в них и стреляли буквально до последнего патрона. Нигде, никогда мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства. Видя, что его замысел срывается, командир батальона приказал открыть огонь из 80-мм минометов. Лишь под их прикрытием мы стали просачиваться на советский берег... Они предпочитали смерть возможности плена или отхода...»

Не менее яростные бои вели в этот день батальоны 197-го полка 99-й дивизии, выведенные утром из города и занявшие свои хорошо оборудованные позиции южнее Перемышля. Несмотря на сильный артиллерийский и минометный обстрел позиций батальонов, интенсивную бомбежку их авиацией, фашисты понесли большие потери. Подразделения 197-го полка не дали немцам закрепиться на нашем берегу.

А.И. Буфетов:

«Немецкие бомбардировщики накатывали бесконечными волнами. Они шли бомбить позиции дивизии, тыловых частей, села и города... Задачей нашей зенитной батареи было отбивать их налеты, мешать им делать свое черное дело. Впервые мы вели огонь по самолетам реального противника. Одновременно в небе мы видели 15–20 самолетов Хейнкель-111 и Юнкерс-87 («юнкерсы» бойцы прозвали «лапотниками» за специфические крупные неубираемые шасси). Нам приходилось вести непрерывный огонь, но

▼ Дот Перемышльского укрепрайона под командованием лейтенанта Чаплина

кто-то (мы тогда не знали, кто и откуда) нас обстреливал из пулемета.

В пылу боя я вдруг почувствовал, что моя левая рука горит. Посмотрел – там кровь и рана. Я как-то отстраненно удивился, какая она большая и как глубоко видно в эту дырку! Потом подоспевшая санитарка меня перевязала. Это было мое первое ранение. По направлению, откуда прилетали пули, мы поняли, что в нас стреляют с колокольни ближайшего костела. Я сказал об этом командиру наряда пограничников. Тут пограничники нам помогли – поднялись на колокольню и ликвидировали пулеметчика».

В связи с оставлением города командир корпуса генерал-майор М.Г. Снегов отдал приказ частям 99-й стрелковой дивизии перерезать все дороги, ведущие из Перемышля, и не допускать дальнейшего продвижения противника вглубь нашей территории.

В тот же день был разработан план контрудара по немцам. Ночью были направлены в Перемышль четыре группы разведчиков. Пользуясь знанием города, им удалось получить сведения о расположении фашистских войск, огневых точках на площадях и перекрестках улиц. В городе противник начал грабеж квартир и магазинов, погром евреев. Немцы создавали опорные пункты в подвалах, на углах улиц складывали штабеля мешков с песком и устанавливали пулеметы, подходила их легкая артиллерия. Разведчиками были захвачены несколько «языков», от них узнали о готовящемся наступлении немцев и времени его начала. Командованием корпуса было принято решение: упредить врага и начать атаку на город утром на полчаса раньше. Приказ о наступлении был отдан генералом Снеговым.

Заканчивался первый день войны. Несмотря на внезапность нападения, на то, что уже в ходе начавшихся боев 99-й стрелковой дивизии пришлось развертывать свои силы, враг не сумел на участке ее обороны добиться решительных успехов. Хотя он и занял Перемышль, местами форсировал Сан и зацепился на нашем берегу, дивизия не дала ему возможности глубоко вклиниться на советскую территорию, сковала его силы оборонительными боями, сохранила собственные силы, организованность и управление. А это было главное. И к

▲ Подбитый фашистский танк в Перемышле

концу этого трудного и самого длинного дня бойцы уже готовились контратаковать фашистов.

А.И. Буфетов:

«Мы чувствовали, мы верили, что враг обязательно будет отброшен назад».

Невеселые мысли были в этот первый вечер войны у Хуберта Ланца, командира 1-й горно-пехотной дивизии: «Времена Франции и Югославии прошли. Уже после первого дня наступления нет никаких сомнений, что нам предстоит...».

23 июня. Перемышль отбит у врага!

К 8 часам утра при поддержке 71-го гаубично-артиллерийского полка 99-й стрелковой дивизии в атаку пошли сводный батальон пограничников погранзаставы 4-й комендатуры под командованием старшего лейтенанта Григория Поливоды и стрелковые полки 99-й дивизии. Еще в мирное время на учениях бойцы дивизии показали умение наступать следом за разрывами снарядов. Теперь это очень пригодилось. Завязались уличные бои – первые в Великой Отечественной.

Фашистское командование предприняло попытку выбить ворвавшиеся в город советские войска. С этой целью оно начало переправлять на наш берег по железнодорожному мосту подкрепление, но мощный огневой налет, проведенный артиллеристами, нанес врагу большие потери, и гитлеровцам пришлось отказаться

от своей затеи. Одновременно артиллерия подвергла усиленному обстрелу Засанье, где было замечено большое скопление сил противника. Интенсивным огнем продолжали косить врагов гарнизоны дотов.

А.И. Буфетов:

«Раненые отказывались идти в госпиталь, оставались в строю. «Я хорошо стреляю, и пока наши не ворвутся в город, я буду поддерживать их своим огнем. А когда возьмем Перемышль, тогда можно и подлечиться», – так один боец, раненный в ногу, просил своего командира не отправлять его в тыл до начала атаки.

Немецкий корректировщик, засевавший на чердаке костела близ набережной, попытался было направлять огонь немецких батарей в места скопления наших бойцов. Его заметили советские артиллеристы и прямым попаданием в костел заставили замолчать».

Видя бесполезность сопротивления, немцы с поднятыми руками начали выходить из зданий. Для многих советских бойцов это были первые увиденные ими пленные враги.

А.И. Буфетов:

«Бойцы с любопытством рассматривали фашистов. Внимание привлекли оттопыренные карманы пленных. Знакомство с их содержимым показало, что сюда перекочевали товары из разграбленного ювелирного магазина. Пленных построили в колонну и отправили в тыл».

Будущий маршал, а в начале войны – начальник оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта Иван Баграмян в своих

мемуарах «Так начиналась война» пишет: «Сильнее всего укрепились захватчики на площади Пяти Углов. Из окон четырехэтажного дома, как из амбразур, били пулеметы. Пограничники все же пробрались в это здание. Проводник Андреев с двумя пограничниками шли за собакой, безошибочно находившей замаскированных автоматчиков. В 14.00 на площади появились два вражеских танка, но их расстреляли подоспевшие наши артиллеристы».

Из приданного дивизии из состава корпуса 236-го гаубично-артиллерийского полка докладывали: «Во второй половине дня противник под прикрытием батареи дивизионной артиллерии пытался форсировать Сан выше и ниже Перемышля, но снова был отброшен на противоположный берег. Настроение личного состава хорошее».

К середине дня 23 июня после нескольких часов упорных уличных боев советская часть города была полностью очищена от гитлеровцев. На плечах отступающего противника наши переправились через Сан. Батальон Поливоды ворвался в Прёмзель за реку Сан, то есть на территорию рейха, освободив как своих пленных, так и узников гестапо.

Над зданием городского Совета вновь был поднят красный флаг. Опять был пущен водопровод, налажена выпечка хлеба, открыты несколько столовых (фашисты не успели добраться до складов). Большую помощь раненым оказали местные врачи-поляки. Снова заработала типография, вышел номер городской газеты, посвященный событиям начавшейся войны. Весь городской транспорт был мобилизован для эвакуации населения, архивов и учреждений.

Это был первый контрудар Великой Отечественной войны, и Перемышль стал первым советским городом, отбитым у немцев уже 23 июня 1941 года. А Прёмзель стал первым городом на территории рейха, взятым Красной армией. Уже на второй день войны советские войска били врага на его территории...

24 июня

Это был день, когда в сводке Совинформбюро страна услышала: «Стремительным контрударом наши войска вновь овладели Перемышлем».

▼ Первых немецких пленных отправляют в тыл

А.И. Буфетов:

«Это известие очень сильно обрадовало не только наши сердца, но и сердца всего советского народа. Наши войска в очень тяжелой обстановке, через один день после начала войны, отобрали город у немцев».

Сообщение об освобождении Перемышля было передано по радио и опубликовано в печати во всех странах, борющихся с гитлеризмом, а также в большинстве нейтральных государств.

На площади в сквере, недалеко от памятника Мицкевичу, с воинскими почестями состоялись похороны тех, кто погиб, защищая город в первый день войны и при его освобождении.

А.И. Буфетов:

«В ночь с 23 на 24 июня на своем берегу реки Сан гитлеровцы установили громкоговорители, из которых в адрес командиров и бойцов 99-й стрелковой дивизии раздавались проклятия, угрозы стереть их с лица земли за то, что они оказывают упорное сопротивление. Но ведомства фашистского аппарата пропаганды явно не договорились между собой относительно «обещаний». Под утро на позиции дивизии были сброшены тысячи листовок, в которых доблестным советским воинам предлагалось добровольно сдаться в плен и расписывались все ожидавшие их «блага». Но ничего, кроме отвращения и желания с еще большей энергией бороться с захватчиками, эта пропаганда не вызывала. Среди наших бойцов нашлось достаточно желающих уничтожить гитлеровскую радиостановку».

Однако в тот же день советские подразделения в Засанье после получения приказа вернулись в советскую часть города.

Многочисленными ударами с разных направлений враг стремился нащупать наиболее слабые места в нашей обороне. Разведка сообщала, что противник продолжал наращивать свои силы на севере 99-й стрелковой дивизии и центр тяжести ударов перенес на стык ее обороны с соседней дивизией. В результате взаимодействия с северным соседом оказалось потерянным. Несмотря на прорыв вражеских частей вглубь нашей территории, дивизии 26-й армии продолжали вести упорные оборонительные бои. Все шло далеко не так, как планировали гитлеровцы.

А.И. Буфетов:

«Здесь у немцев не было по их европейской привычке войны «по расписанию». Бои шли и днем и ночью».

▲ Батарея ведет огонь по самолетам противника

Короткие записи оперативных сводок за 24 июня 1941 года, сделанные в штабе 26-й армии о боях в полосе 99-й стрелковой дивизии, по-военному сухи и лаконичны. Но за ними большое мужество тех, кто оборонялся на этих рубежах. «99-я стрелковая дивизия со 133-м горнострелковым полком сдерживала наступление до одной усиленной танками и артиллерией пехотной дивизии и противодействует охвату своего правого фланга... Держатся очень хорошо».

25–26 июня

Отмечается изменение тактики боевых действий со стороны РККА. Если в предыдущие дни ставилась задача разбить противника, то с этого дня в приказах появляется термин «перейти к обороне».

▼ Зенитное орудие бьет прямой наводкой по немецким танкам

А.И. Буфетов:

«25-го рано утром пришел приказ нашей батарее поменять позицию – переместиться к северу от Перемышля, и командование корпуса передало следующее: «Забудьте о бомбардировщиках, с ними будут вести борьбу малокалиберные орудия батарей 99-й дивизии. В вашем секторе мы ждем сегодня немецкие танки. Ваша задача их остановить. Это очень важно». Дело в том, что наши зенитки при стрельбе прямой наводкой легко пробивали броню любого танка вермахта, и для этого не требовалось специальных бронебойных снарядов. Кроме того, в 99-й дивизии не было танков (их направили для усиления нашему северному соседу).

На подготовку орудий к бою нам оставалось мало времени, а мне надо было успеть по полученным данным разведки о местах сосредоточения гитлеровских танков определить огневые позиции каждому орудью и организовать доставку к ним снарядов, расчетам – занять эти позиции и привести зенитки в боевую готовность. Но на рытье окопов для орудий уже не оставалось времени. И тут гитлеровцы начали очередную атаку. После непродолжительной артподготовки на нас двинулись немецкие танки. Я следил за их движением в бинокль. Как только танки достигли рубежа открытия огня наших орудий, я дал команду: «Огонь!». У одного танка перебило гусеницу, у второго сорвало башню, третий задымил... Они остановились. Пошла следующая волна танков... Мы стреляли до тех пор, пока эти волны не прекратились... Те немецкие машины, которые еще могли двигаться после встречи с нашими снарядами, ушли. На поле боя остались искореженная груды металла и мертвые немецкие танкисты.

Наша батарея в боевых условиях из своих зенитных орудий была в тот день по вражеским танкам. Это потом была Прохоровка, где моя новая батарея, можно сказать, уже профессионально уничтожала немецкую бронетехнику. А тогда это тоже было впервые».

27–30 июня

Контратака и героическая оборона Перемышля советскими частями в июне 1941 года широко комментировались по радио и в печати многих стран. Так, 27 июня английские газеты на своих первых страницах пи-

сали: «Русские контратакуют», «Перемышль отбит», «Перемышль снова в советских руках», «Русские противодействуют»...

А.И. Буфетов:

«С 26 июня наша батарея вела бои только против танков. Мы столкнулись с большой проблемой. Дело в том, что с первым выстрелом наши орудия оставались без маскировки: наши зенитки были очень тяжелые, в момент их отката буквально земля дрожала. Вся маскировка с них осыпалась. А так как они были еще и очень высокие, то орудие оставалось как на ладони. Целься – не хочу! С этого момента, можно сказать, начиналась дуэль расчета орудия с экипажем танка, многое определялось быстротой реакции стреляющих. И вот 27 июня расчет одной пушки моего взвода не успел... Снаряд танка разворотил зенитку. В расчете погибли 2 бойца, а трое получили тяжелые ранения. Это были первые погибшие мои бойцы. И впервые потеряли орудие...»

Перемышль удерживался до 27 июня. Немцы не могли продвинуться на этом участке ни на километр. И только из-за общего ухудшения ситуации на фронте (севернее позиций 99-й дивизии немцы прорвались к Львову, а южнее – на Нижанковичи), поздно вечером по приказу командования Перемышль был организованно оставлен.

А.И. Буфетов:

«Мы не чувствовали себя слабыми. Перемышль выстоял бы еще не один день. Действия нашей дивизии в эти дни продемонстрировали живучесть, активность и умение грамотно отступить, а потом еще – и громить многократно превосходящего противника не числом, а умением. Но обстановка складывалась так, что мы оказались в мешке, и командование отдало приказ об отходе в ночь на 28 июня. Мы уходили... Мы сделали все, что могли. Уходили как организованная боевая единица, сохраняя твердое желание сражаться и унося с собой раненых и оружие. Мы уходили непобежденными...»

В 6.15 отошел из Перемышля батальон Поливоды. Но в городе оставались группы прикрытия, которые продолжали сопротивляться до рассвета 28 июня. Бои в окрестностях города продолжались еще несколько дней.

Лишь 29 июня фашистские войска с опаской вошли в город. Только в 8–9 часов

утра на улицах появились группы гитлеровских разведчиков. Однако на своих местах оставались гарнизоны дотов укрепрайона. Они, как и Брестская крепость, держались до последнего.

А.И. Буфетов:

«К этому времени фашистские летчики и танкисты наши «канат-орудия» уже zapomнили и стали узнавать. Когда дивизия отходила согласно приказу, немецкие танки с опаской, «мирно» следовали за нами, держась на расстоянии 2–2,5 км. А немецкие самолеты и вовсе облетали стороной».

После отхода из Перемышля красноармейцев гитлеровцы уничтожили могилы наших воинов. В настоящее время на их месте установлен памятник советским бойцам, павшим при освобождении города в 1944 году.

Гарнизон дота под командованием младшего лейтенанта Чаплина держался до 30 июня и был полностью уничтожен фашистами только при помощи специально подогнанной тяжелой артиллерии. Все защитники погибли под развалинами дота. Теперь этот дот известен как Каропага 8813, в нем открыт частный музей, рассказывающий о героической обороне города в 1941 году.

А.И. Буфетов:

«Советских фотографий обороны Перемышля практически нет. Фотоаппарат в те далекие годы был редкостью, да и корреспондентов еще не присылали. Есть много снимков у немцев в частных и государственных архивах. Но все они были сделаны «с той стороны», наших бойцов на них нет...»

Многое в эти дни было для нас впервые такое, чего не должно было быть в жизни – кровь, гибель товарищей... Появилось жестокое чувство ненависти к захватчикам. В эти дни я осознал свою огромную ответственность за жизни бойцов своего взвода.

В дни обороны к нам постепенно пришло ощущение обыденности происходящего. Но не привычки к войне. Просто ежедневно и ежечасно выполняли свою работу – воевали. И делали ее как можно лучше.

В течение этих первых дней войны все мы стали суровее, а вчерашние почти мальчики стали мужчинами-воинами, для которых «глагол драться – глагол печальный, но порой нужный». И если судьба позволила нам выжить, мы уже именно такими

прошли через всю войну, через всю свою жизнь...»

За неудачное проведение кампании на этом участке фронта командующего 17-й немецкой армией генерала фон Штюльпнагеля сместили с поста. Соотношение потерь в боях за Перемышль было не в пользу гитлеровцев. Противник потерял убитыми, ранеными и взятыми в плен около 6 тыс. солдат и офицеров.

Конечно, бои на берегах Сана в первую неделю войны не сыграли, да и не могли сыграть важной стратегической роли и оказать существенное влияние на ход разворачивающейся битвы. Но они имели важное моральное значение. За героическую оборону Перемышля Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1941 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом доблесть и мужество 99-я стрелковая дивизия первой в Великой Отечественной войне была удостоена ордена Красного Знамени. Орденами и медалями наградили многих командиров и солдат дивизии, 92-го погранотряда и батальона ополченцев.

В 1944 году Перемышль был окончательно освобожден советскими войсками. А в 1945 году – передан Польше.

Алексей БУФЕТОВ

(Записала и подготовила дочь фронтовика Ирина Буфетова) ▮

Алексей Игнатьевич Буфетов. 2015 год

◀ ...Так мы уходили

